

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59

Стихотворение Н. Гумилева «Я не прожил, я протомился...»: метафизические и поэтические смыслы (к 135-летию поэта)

Елена Алексеевна Панова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, eapanova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется одно из известных стихотворений Гумилева, для более глубокого понимания которого, по мнению автора статьи, необходим лингвопоэтический анализ. Используя метод медленного чтения и обращая внимание на композицию, на интертекстуальные переклички, на семантическую и грамматическую структуру текста, на систему повторов, автор показывает, как происходит развертывание лирического сюжета, какие акценты вносит языковая форма в раскрытие идейно-образного содержания стихотворения. Результаты проведенного анализа позволяют уточнить и дополнить существующее в современных исследованиях понимание стихотворения.

Ключевые слова: православие, лингвопоэтический анализ, композиция, автор и лирический субъект, время, пространство, оппозиции, повторы, семантическая и грамматическая структура, интертекстуальные переклички

Для цитирования: Панова Е. А. Стихотворение Н. Гумилева «Я не прожил, я протомился...»: метафизические и поэтические смыслы (к 135-летию поэта) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 53–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

N. Gumilyov's poem "I did not live, I spent..." ("Ya ne prozhil, ya protomilsya..."): the metaphysical and poetic meanings (to the 135th anniversary of the poet's birth)

Elena A. Panova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, eapanova@mail.ru

Abstract. This article analyzes one of Gumilyov's most famous poems, a deeper understanding of which requires a linguopoetic analysis. Using the method of slow reading and paying attention to the following elements: composition, intertextual references, semantic and grammatical structure of text, system of alliterations — the author of this study shows how the development of lyrical subject progresses and what the lingual form highlights in disclosing the poem's ideological and descriptive content. The results of the analysis allow the understanding of the poem presented in contemporary studies to be clarified.

Keywords: Orthodoxy, linguopoetic analysis, composition, author and lyrical subject, time, space, oppositions, repetitions, semantic and grammatical structure, intertextual references

For citation: Panova E. A. N. Gumilyov's poem "I did not live, I spent..." ("Ya ne prozhil, ya protomilsya..."): the metaphysical and poetic meanings (to the 135th anniversary of the poet's birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 53–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59. (In Russ.).

Введение. Стихотворение «Я не прожил, я протомился...», написанное в 1915 г., входит в сборник «Колчан» (1916), о котором исследователи единодушно пишут как о «поворотном» в мировоззрении Н. Гумилева, «знаменующем начало зрелого творчества» поэта [Климчукова 2005: 116].

Стихотворение считается одним из лучших в книге, оно сразу получило высокую

оценку современников. Так, Б. М. Эйхенбаум назвал его «наиболее цельным, наиболее напевным из всего сборника» [Эйхенбаум 2000: 431], а поэтесса Софья Парнок включила его в ряд стихотворений, которые она определила эпитетом «превосходные» [Полянин 2000: 433]. И в современных работах, посвященных творчеству Гумилева, это стихотворение относится к числу часто упоминаемых и цитируемых.

Как известно, «А. Ахматова считала главной темой книги “Колчан” православию» [Климчукова 2005: 118], и анализируемое стихотворение напрямую связано с выражением этой темы (в частности, В. С. Малых назвал его «сугубо христианским» [Малых 2012: 31]). Не удивительно поэтому, что все исследователи, говоря об этом стихотворении, делают акцент на «христианской составляющей» текста, но, к сожалению, ограничиваясь, как правило, констатацией (или прозаическим пересказом) самого общего, лежащего на поверхности смысла. Так, отмечается, что лирический герой «был потрясен, увидев Фаворский свет Преображения Господня» [Зобнин 2013: 137], «идея Преображения связана с мотивом раскаяния в заблуждениях молодости и надеждой на искупление» [Малых 2012: 16], «в свете, льющемся с Фавора, вся прежняя система ценностей не может не подвергнуться коренной переоценке» [Климчукова 2005: 119] и т. п.

С этими высказываниями трудно не согласиться, но вряд ли «цельность» (Б. М. Эйхенбаум) и «превосходность» (С. Парнок) стихотворения объясняются только тем, что в нем выражены религиозные взгляды автора. Не стоит упускать из виду, что это все же поэтический текст, который заслуживает внимания не только в плане «содержания» (выражения тех или иных мыслей и взглядов), но и с точки зрения той формы, которая данное содержание передает. В статье о поэтике Н. Гумилева О. Г. Ревзина посетовала на то, что «в последние десятилетия изучение поэтического наследия Н. Гумилева слишком часто идет под знаком “и”: Гумилев и Восток, Гумилев и Ницше, Гумилев и православие...», и отметила, что только «внимательное прочтение его поэтики вкупе с детальным и конкретным анализом стихотворений вне “и” позволит придать четкие контуры тому, что сам Гумилев называл “единственностью” и “всемогуществом” поэта» [Ревзина 2016: 42].

Сколько-нибудь развернутого лингво-поэтического анализа стихотворения «Я не прожил, я протомился...» нам не встретилось. Хотя оно не принадлежит к числу самых трудных для понимания, данное лирическое произведение, безусловно, заслуживает неспешного и вдумчивого прочтения, внимательного отношения к его языковой форме (к «фактуре», если использовать

термин Р. О. Якобсона) и к тем поэтическим (а не только религиозным и метафизическим) смыслам, которые она выражает. Кроме этого, многие исследователи отмечают, что Гумилев не так прост, как может показаться на первый взгляд, и его стихи, даже вроде бы самые прозрачные, требуют комментария и «расшифровки». Так, М. Баскер пишет: «Считалось, что поэзия Гумилева лишена глубины. В действительности почти с самого начала она выявляет значительную семантическую осложненность под зачастую кажущейся простой... внешней оболочкой» [Баскер 2000]. В анализируемом стихотворении тоже есть отдельные строки и образы, которые могут быть поняты неоднозначно и нуждаются в комментариях.

Анализ. Рассмотрим различные аспекты организации стихотворения и, используя в том числе и метод медленного чтения, попробуем проанализировать текст, обращая внимание на его поэтику, на те акценты, которые «расставляет» его семантическая и грамматическая структура.

Начнем с композиции. Стихотворение состоит из пяти строф (все с перекрестной рифмой), которые благодаря системе различных повторов тесно сцепляются друг с другом, создавая непрерывность смыслового развертывания лирического сюжета, так что становится понятно, почему Эйхенбаум назвал это стихотворение цельным. Первые две строфы связаны метонимически (*Господь... явился — свет на горе Фаворе*); второе и третье четверостишия объединены синтаксически (однородные придаточные) и анафорическим повтором союза *что*; четвертая строфа связывается с предыдущей противительным союзом *но* и метонимией образов *красота твоих дочерей — любовь*; указательное местоимение *этой (думой)* соотносит заключительное четверостишие не только с непосредственно предшествующим ему, но и со всеми предыдущими строфами, поскольку как «грустная дума», видимо, оценивается содержание не только четвертой строфы, но и всего левого контекста. Заключительная строка стихотворения (*Я и так погубил одну*) соотносится с начальной строкой (*Я не прожил, я протомился*) синтаксически (одинаковое строение грамматических основ предложения с повтором подлежащего и грамматической формы сказуемого) и содержательно:

погубил представляет собой оценку прожитой жизни (*погубить* — ‘бесполезно, беспечно истратить’¹). Это придает композиции стихотворения в целом кольцевой характер. Кроме того, стихотворение насыщено повторами разного типа, которые дополнительно увязывают по вертикали как части строф, так и отдельные строфы. Помимо повтора личных и притяжательных местоимений *Я/моя* и *Ты/Твоей, Твоих*, участвующих в выражении одной из ключевых оппозиций («земное—небесное») и придающих тексту диалогичность, следует прежде всего отметить сквозной повтор с доминантой «жизнь»: *прожил, жизни, жить, жизнь, будущей, одну* (два последних слова можно рассмотреть как имплицитный повтор, поскольку эти согласуемые слова относятся к подразумеваемому существительному *жизнь*), сюда же относится и синоним слова *жизнь* — *бытия* (*бытие* — ‘существование, жизнь’²). Этот ключевой смысл, изначально двойственный (так как объединяет земное существование с тем, что наступает после), имплицитно вводит, во-первых, мотив смерти, а во-вторых, придает всему стихотворению медитативно-философский характер, настраивая на размышления о смысле жизни, об истинных и ложных ценностях.

«Напевность» стихотворения, отмеченная Б. М. Эйхенбаумом, может пониматься по-разному, но очевидно, что речь идет об интонации, которую можно охарактеризовать как «волнообразную»: констатирующая интонация чередуется с вопросительной, а эмоционально-взволнованная, нарастающая от начала к концу текста, сменяется в последней строфе более спокойной (что на лексическом уровне выражено эпитетом *тихой*).

Исследователи творчества Гумилева не раз отмечали, что в сборнике «Колчан» «лирическое “я” автора имеет явные биографические корни» [Тадевосян 2008: 78]. В результате лирический герой стихотворения не только часто проецируется на самого Гумилева, но и практически отождествляется с ним. Однако, как бы ни были близки автор и лирический субъект, все

же не стоит забывать, что последний — это всегда сконструированный (смоделированный) образ и полного совпадения между ним и поэтом быть не может.

Лирический герой стихотворения неоднократно выражен в тексте лексическими и грамматическими средствами: личным и притяжательным местоимениями (*я* (5 раз) / *мне; моя*), глагольными формами первого лица (*вижу, тоскую, дотяну*), словами и сочетаниями, метонимически обозначающими лирического субъекта (*молодая сила, сердце, любовь, думой*), а также целым рядом лексических средств, входящих в смысловое поле эмоциональной оценки, субъектом которой является лирическое «я»: *протомился, невозможной, мечтой, безумно, тоскую, дремучий сон, больно, томил, тихой, грустной, погубил*. Такое «открытое присутствие» лирического субъекта в тексте придает стихотворению ярко выраженный лирический, исповедальный характер, а преобладание в ряду оценочных лексем слов с негативной эмоциональной окрашенностью определяет общий эмоциональный тон текста (*безумно тоскую, больно томил, грустной думой*).

Попробуем медленно прочитать текст и проследить, как происходит развитие лирического сюжета. Начальная строка стихотворения, во-первых, указывает на ретроспективное (формы прошедшего времени глагола) осмысление пройденного жизненного пути, а во-вторых, противопоставлением лексических значений глаголов-сказуемых выражает оценочную оппозицию «должное — недолжное», которая открывает и тянет за собой целый ряд других оппозиций, важных для понимания текста. Следующая строка уточняет характер намеченной оппозиции. Во всех изданиях в комментариях к тексту этого стихотворения указывается, что «половина жизни земной» — это отсылка к «Божественной комедии» Данте, к началу первой песни: *Земную жизнь пройду до половины, / Я очутился в сумрачном лесу...*, и добавляется: «“Половиной жизни” некоторые из комментаторов Данте называют 30-летний возраст» [Гумилев 2005: 349]. На самом деле комментаторы «Божественной комедии» отмечают, что Данте опирается на «Пир» Платона (IV, 23) и «серединой человеческой жизни, вершиной ее дуги... считает *тридцатипятилетний* (выделено нами. — Е. П.) возраст» [Лозинский 1967:

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС).

² Там же.

545]. Для Гумилева, к сожалению, это была не половина, а вся жизнь. Поэтому вряд ли стоит понимать здесь «половину жизни» буквально, речь скорее идет просто о незавершенности земного пути. Однако представляется, что комментарий к этой интертекстуальной отсылке должен быть более развернутым, потому что она вызывает гораздо больше ассоциаций, чем просто указание на возраст. По свидетельству А. Ахматовой, «любовь к Данте» — это то общее, что объединяло ее с Гумилевым-поэтом [Ахматова 2002: 9], и можно предположить, что Гумилев не просто употребил известное выражение Данте, а, скорее всего, рассчитывал на более полное понимание тех смыслов, которые оно за собой влечет. Прежде всего, это отсылка к самой ситуации «кризиса». Так, О. А. Седакова в статье «Перевести Данте» пишет: «Узнает ли наш читатель в этих словах цитату из молитвы царя Езекии: “В преполовлении дней моих должен я идти во врата преисподней” (Ис. 38, 10)? А вместе с ними всю историю обреченного на смерть и спасенного от нее человека? Вспомнит ли он, что середина жизни, по библейским представлениям, — особо опасная зона... <...> И наконец, что точная середина жизни человека приходится на сон?» [Седакова 2017]. «Сумрачный лес» (аллегория земных страстей и заблуждений), в котором «заблудился», «утратив правый путь во тьме долины», герой «Божественной комедии», ассоциируется с «дремучим сном бытия» стихотворения Гумилева, лирический герой которого тоже ищет выход из жизненных противоречий.

Заключительные строки первой строфы и начало следующей, с одной стороны, отсылают к Евангелию, а с другой — продолжают переключку с «Божественной комедией», так как герои обоих произведений видят спасительный свет. Союз *и* и частица *вот* (*И, Господь, вот Ты мне явился*), имеющие значение ‘наступление новой стадии действия по сравнению с той, которая отражается предыдущим предложением’³, указывают на завязку в развитии лирического сюжета. В какой-то степени оксюморонное (объединяющее реальность

и мнимость, осуществимое и неосуществимое) сочетание *явился невозможной... мечтой* свидетельствует о том, что лирический субъект относит это событие к категории чудесного, дарованного ему Откровения. А разговорная окраска конструкции (*и... вот явился, невозможной такой*) и обращение *Господь* способствуют интимизации ситуации, подчеркивая отсутствие «дистанции» между субъектом и адресатом, указывая на близость адресата внутреннему миру лирического «я», на доверительный характер отношения к адресату.

Со второй строфы начинается «покаянная» часть стихотворения, которая продолжается и в следующем четверостишии. Лирический герой перечисляет заблуждения и грехи молодости, однако в этом перечне можно усмотреть некоторую двойственность. Так, строка *Что взлюбил и сушу и море*, с одной стороны, говорит о любви к земному миру, который создан Богом, и, казалось бы, ничего плохого в этом нет, но с другой — глагол *взлюбил* содержит отрицательную коннотацию: он указывает на чрезмерную степень проявления чувства, что переводит его в разряд «недолжных». *Молодая сила* сама по себе тоже вовсе не является отрицательным качеством, если только она не переходит определенные границы и не превращается в гордыню. *Красота Твоих дочерей* (т. е. также созданная Богом) закономерно призвана доставлять наслаждение, но и здесь должна быть мера (*так больно... томила* тоже указывает на слишком высокую степень проявления чувства). Таким образом, самоосуждение лирического героя вызвано не самой по себе любовью к земному миру, а ее чрезмерным проявлением, ведь всякая страсть, когда человек всем своим существом обращен на что-либо и поглощен этим переживанием, по христианским представлениям, приводит его к отчуждению от Бога.

Четвертая строфа начинается с противительного союза *но*, указывающего на новый, неожиданный поворот в развитии сюжета и создающего эффект обманутого ожидания. Лирический герой, который, казалось бы, уже осознал иллюзорность своих прежних ценностей и покаялся в этом, из числа того, что в Фаворском свете казалось ненужным и тщетным, выделяет любовь как «предмет первостепенной важности», как наивысшую духовную

³ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 134 (ОС).

ценность и пытается найти если не оправдание для себя, то по крайней мере ответ на мучающий его вопрос. Дважды повторенная вопросительная частица *разве* совмещает в себе значения 'сомнения в чем-либо' и одновременно 'уверенности в противоположном ответе'⁴. При этом *любовь* берется не в конкретном проявлении, а как чувство, существующее само по себе, что придает ей статус «вечного» и «всеобщего». Здесь имплицитно представлена оппозиция между верой, которая не знает сомнений, и всегда сомневающимся разумом. Кроме того, выдвигание на первый план любовной темы заставляет вспомнить о Данте, отсылка к которому в первой строфе стихотворения уже как будто с самого начала «предсказывала» появление любви как одной из смысловых доминант текста.

Вопрос, заданный лирическим «я», остается без ответа, герой осознает невозможность разрешения сомнений и противоречий в земной жизни, чем объясняется эмоциональный тон последней строфы.

Заключительная строфа подводит итог: лирический герой волевым усилием как будто отодвигает свои сомнения, приглушает эмоции и принимает для себя единственно возможный выход — ввериться воле Бога. Примечательно, что в первоначальной редакции первая строка заключительного четверостишия была иной: *И с моею печальной думой* [Гумилев 2005: 241]. Замена эпитета *печальной* на *грустной* в сочетании с *тихой* кажется логичной: печаль — более сильная эмоция, чем грусть, которая больше соответствует смирению и к тому же, в отличие от печали, обычно недолговременна, как и земная жизнь.

В тексте отчетливо выделяются три временных пласта: прошедшее, настоящее и будущее. На лексическом уровне к полю времени относятся прежде всего *половину жизни земной* и *о будущей* (жизни), которые, как уже говорилось, образуют оппозицию. Грамматически временной план выражен формами глаголов. Преобладают формы прошедшего времени совершенного вида: *(не) прожил, протомился, явился, влюбил, (не) смирилась, погубил*. Субъектом всех действий является лирический герой; глагол *явился*, хотя и относится к подлежащему *Ты*, по сути,

тоже находится в зоне сознания лирического героя, который почувствовал присутствие Бога. Перфектное значение форм совершенного вида вносит дополнительное значение завершенности, окончательности свершившегося и невозможности его исправить. Обращает на себя внимание совершенный вид глагола *смирилась* (вместо, казалось бы, более логичного и ожидаемого *смирлась*). Он употреблен с отрицательной частицей *не*, которая «сводит на нет» результативное значение совершенного вида: смирение, к которому вроде бы готов лирический субъект, не достигнуто, его отсутствие не только факт прошлого, но и настоящего (и, видимо, будущего). Единственный глагол несовершенного вида *томила*, указывая на длительность и повторяемость этого состояния в прошлом, одновременно подразумевает его незавершенность и возможность продолжения в настоящем.

Два глагола настоящего времени (*вижу, тоскую*), маркирующие важную для лирического субъекта «точку» на жизненном пути (момент «постижения истины»), кроме временной, объединены и причинно-следственной связью: первое действие каузирует второе. *Вижу* — здесь глагол внутреннего зрения, который обозначает не столько «взгляд в небо», сколько внутрь себя и характеризует состояние героя в момент преображения души. План будущего тоже выражен двумя глаголами — *дотяну* и *подумай* (императив обозначает предстоящее действие). Казалось бы, после того как лирический герой ощутил «свет Фавора», земная жизнь его должна измениться. Однако глагол *дотяну* ('трудно, тяжело доживать остаток своей жизни'⁵) возвращает нас к *не смирилась*, смыкая прошлое и будущее земного существования и закрепляя двойственность, неоднозначность итога духовного пути лирического героя, его «отчета» перед Богом и перед самим собой: несмотря на раскаяние и понимание своей «неправильной» жизни, лирический герой как будто не в силах отказать от своих прошлых заблуждений и осознает, что противоречия и сомнения не могут быть разрешены для него в земной жизни.

⁴ ОС. С. 295.

⁵ БАС.

Что касается пространственной организации, то лирический конфликт целиком замкнут во внутреннем пространстве героя стихотворения. И те немногочисленные объекты внешнего пространства, которые упомянуты в тексте, важны не столько своим конкретным значением, сколько как символы: «суша» и «море» как символы всего земного (нижнего) пространства, а «гора» — небесного (верхнего). Е. В. Меркель справедливо отмечает: «И хотя контекстуально здесь суша и море противопоставлены горе как нижнее пространство верхнему, “соль” этой антитезы в другом: Фавор есть не место, находящееся в физическом измерении, а духовная реальность»⁶.

Выводы. Таким образом, стихотворение насыщено оппозициями, которые затрагивают разные стороны образно-смысловой структуры текста и мотивируют развитие лирического сюжета, тесно переплетаясь друг с другом: время (прошлое — будущее), пространство (земное — небесное, внешнее — внутреннее), оценочный план (должное — недолжное), «участники» лирической ситуации (субъект (я) — адресат (*Ты*, *Господь*), внутренняя жизнь лирического субъекта (чувство *сердце*) — разум (*думой*); вера — разум), его эмоциональное состояние (*любовь* — *тоска*, *томление*).

Однако левый и правый члены этих оппозиций не отделены друг от друга резкой границей, напротив, они соприкасаются, а иногда и смыкаются, образуя сложное целое.

Все это говорит о том, что в поэтическом мире Гумилева нет схематичного деления на «черное» и «белое», многие образы амбивалентны, его мир, как и сама жизнь, диалектичен и многогранен, без упрощений и лишней прямолинейности, но при этом в нем существует четкое представление о незыблемости нравственных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Данте // Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Эллис Лак, 2002. С. 6–10.

⁶ Меркель Е. В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам): дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2015. С. 100.

2. Баскер М. «Стихи из снов»: искусство, магия и сновидения в «Романтических цветах» [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/47> (дата обращения: 06.02.2021).

3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Газ.-журн. объединение «Воскресенье», 2005. 275 с.

4. Зобнин Ю. В. Николай Гумилев. М.: Вече, 2013. 477 с.

5. Климчукова В. Н. Николай Степанович Гумилев // История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: 1910–1930 годы. М.: Высшая школа, 2005. С. 115–147.

6. Лозинский М. Примечания // Алигери Д. Новая жизнь. Божественная комедия. Библиотека всемирной литературы. Т. 28. М.: Художественная литература, 1967. С. 527–674.

7. Малых В. С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 98 с.

8. Полянин А. Н. Гумилев. Колчан // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 433–434.

9. Ревзина О. Г. Поэтика Н. Гумилева // Русский язык в школе. 2016. № 4. С. 39–42.

10. Седакова О. А. Перевести Данте // Знамя. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6521> (дата обращения: 31.01.2021).

11. Тадевосян Т. В. Николай Гумилев: эволюция личности и мифологема героя // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 76–79.

12. Эйхенбаум Б. М. Новые стихи Н. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 428–432.

REFERENCES

1. Akhmatova A. A. Dante. Akhmatova A. A. *Sobranie sochinenii = Collected Works*: in 6 vol. Vol. 6. Moscow: Ehllis Lak, 2002. P. 6–10. (In Russ.).

2. Basker M. "Poems from dreams": art, magic and dreams in "Romantic flowers" [Electronic resource]. URL: <https://gumilev.ru/about/47> (accessed: 06.02.2021). (In Russ.).

3. Gumilev N. S. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. 3: Poems. Poems (1914–1918). Moscow: Newspaper and magazine association "Sunday", 2005. 275 p. (In Russ.).

4. Zobnin Yu. V. Nikolai Gumilev. Moscow: Veche; 2013. 477 p. (In Russ.).

5. Klimchukova V. N. Nikolai Stepanovich Gumilev. *Istoriya russkoi literatury XX veka = History*

of Russian literature of the twentieth century: in 4 book. Book 1: 1910–1930. Moscow: Higher school, 2005. P. 115–147. (In Russ.).

6. Lozinsky M. Notes. *Alig'eri D. Novaya zhizn'. Bozhestvennaya komediya. Biblioteka vseмирnoi literature = New life. The Divine Comedy. Library of World Literature.* Moscow: Fiction, 1967. Vol. 28. P. 527–674. (In Russ.).

7. Malykh V. S. Nikolai Gumilev's artistic works: university and school aspects of study. Izhevsk: Udmurt University, 2012. 98 p. (In Russ.).

8. Polyannin A. N. Gumilev. Quiver. *N. S. Gumilev: pro et contra.* Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. P. 433–434. (In Russ.).

9. Revzina O. G. Poetics of N. Gumilev. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2016. No. 4. P. 39–42. (In Russ.).

10. Sedakova O. A. Translate Dante. *Znamya = Banner.* 2017. No. 2 [Electronic resource]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6521> (accessed: 31.01.2021). (In Russ.).

11. Tadevosyan T. V. Nikolai Gumilev: the evolution of the personality and mythologeme of the hero. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century.* 2008. No. 2. P. 76–79. (In Russ.).

12. Ehikhenbaum B. M. New poems by N. Gumilyov. *N. S. Gumilev: pro et contra.* Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. P. 428–432. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Алексеевна Панова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena A. Panova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 08.02.2021; одобрена после рецензирования 25.02.2021; принята к публикации 01.03.2021.

The article was submitted 08.02.2021; approved after reviewing 25.02.2021; accepted for publication 01.03.2021.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что идет подписка на II полугодие 2021 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства:

- «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896; <https://podpiska.pochta.ru/>),
- «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334; <http://www.ural-press.ru/>),
- «ИВИС» (<http://www.ivis.ru/>), «ПрессИнформ» (<http://presskiosk.ru/>), НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА» (<http://www.informsystema.ru/>), «Информнаука» (<http://informnauka.com/>).

2) через сайты Научной электронной библиотеки <https://elibrary.ru/> и нашего журнала: <https://www.riash.ru/jour/user/subscriptions>